

УДК 81'37

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-3-35-40

**МЕЖДУ СОЦИАЛИЗМОМ И КАПИТАЛИЗМОМ:
ДРАМА ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ Г. БАШКУЕВА
«ЗАПИСКИ ПОЖИЛОГО МАЛЬЧИКА»**

© *Башкеева Вера Викторовна*

доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: oaelun@mail.ru

В статье анализируется повесть известного бурятского прозаика Геннадий Башкуева «Записки пожилого мальчика» (2007). Рассматривается вопрос о связи характера героя, его жизни и судьбы с особенностями переходного исторического времени — между эпохами социализма и капитализма. По мнению автора статьи, отдельного внимания заслуживает пространственная структура повести. Выделяются топосы двора, барака, влияющие на формирование личности героя. Делается вывод о том, что драматизм исторических эпох преодолевается в ситуации обретения героем настоящей мужественности.

Ключевые слова: литература Бурятии; повесть Геннадия Башкуева «Записки пожилого мальчика»; топосы; характер героя, обретение мужественности.

В литературе Бурятии повесть «Записки пожилого мальчика» (2007) известного бурятского писателя Геннадия Тарасовича Башкуева (род. в 1954 г.) занимает особое место*. Она пронизана ироничностью, искренностью, что было не характерно для традиционного дискурса литературы Бурятии, склонного скорее к реалистическому видению мира, нравственным максимам, социальной иерархичности.

Повесть в новеллах написана от лица Г. Н. Болотова, сорокалетнего мужчины, имеющего жену и сына. Сразу отметим, что проблему автобиографического письма в данной работе не обсуждаем, ориентируемся на высказывания самого писателя, подчеркивающего условность, вымышленность отдельных сцен и близость других: «Есть места, которые с моей биографией имеют мало общего. Например, сцены размолвок с женой, разводы и т. д. <...>. А вот другие детали — картины детства, двор, образы — это все прожито мной» [3]. Герой Г. Башкуева причастен двум эпохам — социалистической, отношение к которой весьма непросто, и перестроечной, наполненной острейшим драматизмом, реабилитировавшей капитализм. К периоду социализма относится его пацанское детство, в настоящий момент он проживает странный микс детства, зрелости и старости. С одной стороны, ему *уже* сорок, опыт жизни достаточен, но негативен, беспорядочен. С другой стороны, ему *всего* сорок, он еще мальчик, глубоко «увязший» в своем детстве.

С социальной точки зрения герой относится к определенной прослойке провинциального сибирского города. Он, вернее, его родители, — из разряда «вы-

* Рассматривается первое издание повести, вышедшее отдельной книгой. Журнальный вариант 2016 г. дополнен и переименован автором, называется так же, как последняя новелла, — «Убить время» («Байкал. 2016. № 2).

рвавшихся» из бараков, не случайно его семья сумела переселиться из двухэтажного барака в кирпичную пятиэтажку. Мальчик уже в детстве стал жить в определенном достатке, во всяком случае ребенком имел деньги на мороженое и кино («Вещь»), уголок с игрушками в отдельной квартире («Предатель любви»).

Барак в повести — это своеобразное социальное дно периода социализма, мир упрощенных нравов, умственной простоты, чреватый соскальзыванием в порок и преступность. В нем есть густонаселенность, характерная для многоэтажек, но отсутствует комфорт, порождающий зависть. Барак погружен у Башкуева в одурманивающий быт, там нет книжной культуры, стремления к росту, к идеалам. Там много бедности, ссор, выяснений отношений, пьянства, ветрености, непонимания высоких смыслов жизни.

С другой стороны, в бараке много общения, непосредственности, естественности и неприукрашенности, много свободы, интереса к другому человеку. Барак в этом смысле сродни общежитию, здесь именно общая жизнь, «общее житие». Там дружат и помогают друг другу. Человек при всем одиночестве здесь житейски не совсем одинок: есть на кого выплеснуть раздражение, есть и кому поплакаться в жилетку. Правда, позитивная, радостная интонация в описании данного «месторазвития» больше открывается в другой повести Г. Башкуева — «Маленькая война» (первое название «Прощай, мой Боливар!», 1991).

Семья героя, переехав из барака в многоэтажку, изменила, скорее всего, внешние, видимые стороны своей жизни. Внутренне же герой во многом связан с культурой, сформировавшей достаточное количество черт его жизни: общается, дружит в школьные годы не столько с книжниками вроде Борьки, а с Ренатом и Ссальником, своеобразными социальными маргиналами. Барак догоняет его, часто помимо желания. С женой он ссорится так же страстно, как Хохряковы. Не хотел встречаться с взрослым Ренатом, но тот желает этого и вовлекает героя в круг своей жизни. Из прошлого возникают в его жизни Серега-Слон, Ссальник, наконец, появляется жившая в бараке Инга, ставшая сумасшедшей.

Есть и другой топос, существенно повлиявший на становление и реализацию героя. Для героя как для человека советской эпохи весьма значима идея, концепт двора. Двор как место между домами, место, куда дома выходят своими подъездами, дверями, обладает функцией объединения. Двор не иерархичен, здесь каждый найдет себе место и роль. Это место встреч, игр, ссор, поиска, развития, это открытая площадка для становления ребенка, это, в конце концов, место жизни. На перекрестии двора и барака как топосов и смыслов будет строиться его жизнь.

Поведение героя во многом определяется внутренней драмой, вызванной семейными обстоятельствами и социокультурными факторами, помноженными на социальную трагедию страны. Зрелость героя падает на кризисную эпоху перестройки. Как раз в это время сын заканчивает школу и должен поступать в университет. Рефлексия по поводу времени у Башкуева не очень яркая, политические нотки как бы маскируются, скорее, акценты на быте, на образе жизни, на трудностях: «Заказчики не расплачивались за поставленный товар, в стране был бардак, зарплату задерживали, сигареты продавали поштучно <...> знакомых обворовали, вынесли все, что можно» [1, с. 74]. За эти десятилетия «родилось, любило, страдало и умерло целое поколение, исчезла одна страна и возникла другая, люди стали умирать от СПИДа, заниматься любовью на расстоянии и говорить по телефону на бегу...» [1, с. 132].

Перечислительность в представлении эпохи должна, возможно, скрыть ту оторопь перед развалом страны, которую современник объять не в состоянии, или же объяснить спецификой беллетристики с ее интересом именно к человеческим судьбам. Писатель как бы изгоняет из повести социальные контексты, идеологическую рефлексию, выдвигает на первый план историю человека вообще. Нет и отчетливой пограничной линии между позднесоциалистическим периодом и перестройкой. Зато свое отношение («неперечислительное») к историческим катаклизмам последней четверти XX в. Г. Башкуев высказал в публицистической, еще по-настоящему не оцененной книге «На переломе. Письма с окраины империи» (2007) [2]. Ясно только, что школьное детство связано с первым, а зрелость со вторым временем. Именно в период зрелости его начинают тревожить и догонять старые приятели по бараку и появляться новые мысли о жизни, ее смысле, о движении времени.

С позиций критики социализма интерпретировано творчество Г. Башкуева в одной из статей: «Для его художественных произведений более важной темой является позднесоветский экзистенциальный коллапс, резкий контраст между провозглашенными идеалами советской системы и каждодневным опытом алкоголизма, воровства и лжи, переживаемым его героями» [4]. Действительно, отношение к социализму у Г. Башкуева далеко от идилличности, однако не настолько либерально, как интерпретируют авторы статьи. Можно согласиться, что писатель запечатлел значимые негативные реалии позднесоветского периода, однако их переживание и проживание опосредованы определенным социальным опытом.

Композиционно новеллы в повести даны автором в вольном порядке, нарушающем хронологию. Сначала выделяются те, что касаются школьного периода. Пацанские удивления или печали связаны прежде всего с девочками: уезжают навсегда странная девочка Люда-Люся («После дождика в четверг») и любительница шоколадных конфет Оля («Предатель любви»). В двух других новеллах скорее познание жизни, так, кочегар дядя Володя обманывает мальчишек («Почему Америка не была разбита 2 декабря 1962 года в два часа 30 мин. пополудни»), и реальный облик пацанов, которые ради шоколадки «Аленка» готовы глумиться над сумасшедшей женщиной («Воздушный поцелуй»). В целом новеллы школьного периода показывают сложность и противоречивость облика пацанов. Они могут быть обыкновенными мальчишками с их жаждой приключений, патриотами, готовыми бороться за свою страну против Америки времен Карибского кризиса, при этом наивными и даже не имеющими претензий к обманувшему их кочегару. Одновременно они могут быть жестокими, дикими, безжалостными, и эта их жестокость носит стадный характер, в сердце героя нет жалости к бедной, подвергающейся травле сумасшедшей: «Мы засвистели, заулюлюкали, образовав круг» [1, с. 28]. Холодность сердец ребят сродни тому равнодушию, которое показывают в этой ситуации взрослые, спешно покидающие двор, дабы не стать свидетелями чужой беды.

Парадоксальность сочетания наивности и патриотизма в его детских игровых формах с подростковой жестокостью свидетельствует о сложности формирования детей барака в социуме социалистического времени.

Драмы взрослого периода более серьезные, по сути апокалиптические. Социальная трагедия перестройки дает о себе знать прежде всего в судьбах пацанов, их семей, их окружения. Судьбы эти драматичны. Нет ни одной новеллы у Баш-

куева, в которой не было бы смерти или другой драмы: умирает Серега-Слон, не переживший ухода жены («Слоны не играют в футбол»), констатируется смерть отца («Вещь»), матери, умирает Надя, «девочка со старым лицом» («Тайна»), убит незнакомец Саша, гражданский муж Аллы («Предатель любви»), умирает Толик Ссальник («Свет далекой звезды»), герой невольно убивает человека («Убить время»).

Смерти случаются чаще всего. По сути жизнь сорокалетнего мужчины со всех сторон окружена смертями, причем всегда они преждевременны. Никто не доживает до старости. К смерти, связанной с убийством, оказываются причастны оба друга детства: и Ренат, и Гендос. На первый взгляд, ситуации, участники, мотивы убийства абсолютно разнятся. Ренат обуреваем желанием овладеть чужой, приглянувшейся ему женщиной, и в своем незаконном желании готов идти до конца. Типы поведения, характерные для жестокого и уже привычного для Рената мира тюрем, всегда с ним. Тюремный стиль общения и поведения отличает и бывшего зэка Александра, которому Ренат, претендуя на его подругу, собирается перейти дорогу.

У Геннадия-Гендоса иная ситуация: он заступился за дурочку Ингу, над которой начала измываться троица скучающих молодых подонков. В герое, признавшем в сумасшедшей давнюю соседку Ингу, жило сочувствие, желание спасти ее от надругательств. И потому драка эта не для защиты себя, а ради спасения другого человека. Иное качество последней в его жизни драки высвечивает другую сторону в этой противоречивой личности — способность к состраданию, желание защитить женщину, мужественность, смелость. Но случайная встреча оказалась роковой — вынужденный защищаться от смертельных ударов, сам ударил нападавшего, который позднее скончался в больнице. Герой оказался под следствием и был признан виновным в убийстве.

При всей разнице ситуаций между героями есть глубинное сходство. Не только Геннадий-Гендос, но и Ренат-Батон проявляет определенное великодушие и благородство. Ренат после отсидки возвращает опустившуюся Аллу к жизни, несет крест, терпя и спасая ее спившуюся гулящую дочь. «Как-то это в нем уживалось — откровенное зло и спонтанная жалость к тем, кто слабее его» [1, с. 102]. Объединяет их и то, что они всегда стремятся к крайним, непродуманным решениям, они эмоциональны, импульсивны, безрассудны. Если понравилась женщина, сразу сделать ее своей, Ренатовой, устранив «препятствие» в виде ее гражданского мужа. Кровавая стычка становится единственно возможным способом разрешения конфликта. Если Геннадий повздорил с женой, то сразу — щетка, бритва и вон из дома. Если что не так, то сразу кулачное разбирательство: незадолго до трагического происшествия на вокзале он оказался в квартире девицы легкого поведения, и там из-за денег герои душат друг друга, тыкают пальцем в глаза, угрожают пистолетом. Если герой не хочет расставаться с чемоданом, то следует желание категорично поиронизировать в момент торга в театре над попрежем с его косичкой, а после того, как тот посочувствовал жене героя, дернуть его за эту косичку.

Этот очень интересный жест относится к числу жестовых оговорок, таких, которые позволяют прямо прочесть кое-что в герое. Это жест мальчиковский, характерный для младшего и среднего школьного возраста, когда дерганье девочек за косичку являлось формой неосознанного выражения своих чувств. Когда сорокалетний герой в ситуации публичного общения в присутствии нескольких

владельцев фибровых чемоданов дергает малознакомого человека за косичку, пусть и комичную, это сразу намекает на его инфантильность. Между по видимости зрелым возрастом героя, его сорока годами, и его чувством, в данный момент нежеланием расставаться с дорогим сердцу чемоданом, — большой зазор. И в этот зазор уместилась целая жизнь.

И хотя у него есть работа, герой признается, что она ему не интересна, он никогда не говорит о ней, по сути, она не существует. Вся его экзистенция в сфере личного — в метаниях, борениях, в скуке будней и протесте. Герой всегда готов играть в нападение, не в защите. Очевидно, что и литературное творчество, и жизненные метания героя родом из детства, из семьи, из воздуха эпохи. Герою трудно создать себя, трудно найти свою цельность, и в этом драма позднего социализма и раннего капитализма.

Идея личностной реализации и личностного протеста, замыкаясь в сфере межличностного общения, сублимируясь в адюльтеры, ссоры и обиды, выпивки и посиделки, свидания и прощания, становится однобокой. Культура барака не оставляет героя, который по своему социальному статусу писателя мог бы навсегда отделиться от прежних, несколько тягостных товарищей, от «пацанвы», или найти иное, более высокое содержание жизни.

Символично название последней новеллы — «Убить время», название, зарождающееся в начале повести, когда герой попал в карцер и с помощью футбола хочет убить время. С одной стороны, герой после ссоры с женой, поддавшись эмоциям, как это часто бывает с ним, ушел из дома. После он хочет выдержать позу обиженного, ему «надо было убить время» [1, с. 145], и он отправляется убивать это самое время. Другой смысл связан, конечно, с идеей убить время своей жизни, убить свою жизнь. Убить бессмысленностью действий, хандрой, опустошенностью, авантюризмом, потаканием своим слабостям и порокам. По сути, все персонажи только тем и занимаются, что убивают время, не находя в нем цели или смысла, труда или терпения, роста или преуспевания.

Наконец, третий и, возможно, потаенный смысл связан с тем, что герой убивает в себе страх, не думает о своем эго, в нем сострадание к сумасшедшей женщине становится важнее самосохранения. Он по-настоящему становится бойцом, защитником, который от мальчишеской задиристости поднимается до обретения подлинной мужественности. И в этом смысле он убивает во времени, как прошедшем, так и текущем, присущие этому времени слабости и недостатки, горечь и зло. В подобном катарсисе описываемые эпохи объединяются, преодолевается их замкнутость и ограниченность.

Литература

1. Башкуев Г. Записки пожилого мальчика. Повесть в новеллах. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007. — 168 с.
2. Башкуев Г. На переломе. Публицистика. Проза. Пьесы. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007. — 492 с.
3. Башкуев Г. Писатель должен всегда оставаться ориентиром: интервью [Электронный ресурс]. — URL: <http://zabkrai.ru/index/html/path/http-zabrab.zabkrai.ru&&i-Articles&gennadiy-bashkuev-p3482> (дата обращения: 23.10.2018).
4. Саблин И., Болячевец Л., Будацыренова С. Бурят-Монголия онлайн и офлайн: современная литература и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. — 2017. — № 2. — С. 83–97. — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2017/2/buryat>

[mongoliya-onlajn-i-oflajn-sovremennaya-literatura-i-isto.html#_ftnref36](#) (дата обращения: 25.10.2018).

BETWEEN SOCIALISM AND CAPITALISM: HERO'S DRAMA
IN "NOTES OF ELDERLY BOY" NOVEL BY G. BASHKUEV

Vera V. Bashkeeva

Dr. Sci. (Phil.), Prof.,

Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article analyzes the story “Notes of an Elderly Boy” (2007) by the famous Buryat prose writer Gennady Bashkuev. The question of the relationship of the character of the hero, his life and destiny with the peculiarities of the transitional historical time — between the eras of socialism and capitalism is considered. According to the author of the article, the spatial structure of the story deserves special attention. The article highlights topos of yard and barrack that affects the formation of the personality of a growing person. It is concluded that the drama of historical eras is overcome in the situation of the hero gaining real masculinity.

Keywords: literature of Buryatia, prose by Gennady Bashkuev, “Notes of Elderly Boy” story, topos of yard and barrack, character of hero, gaining masculinity.